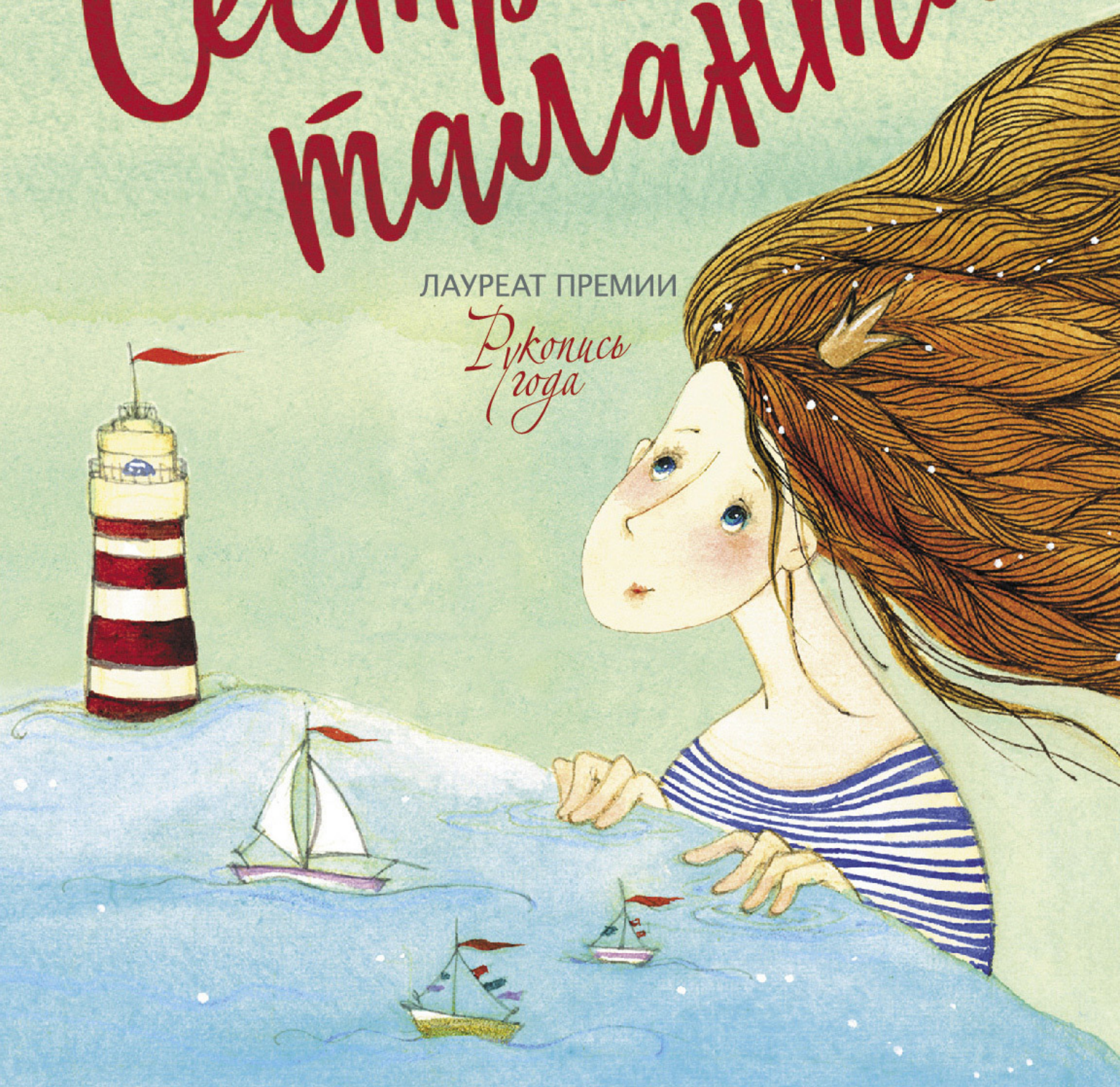

Виктория Кирдий

Сестра Тамара

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ

*Рукопись
года*

Одобрено Рунетом

Виктория Кирдий
Сестра таланта

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кирдий В. Э.

Сестра таланта / В. Э. Кирдий — «Издательство АСТ»,
2020 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-126629-5

Виктория Кирдий до сих пор была известна читателю главным образом как художник и книжный иллюстратор. А благодаря вошедшим в эту книгу зарисовкам о жизни, о детстве, обо всем на свете, мы можем убедиться, что она наделена еще и прекрасным чувством слова. И особым видением, умением точно выхватить и отобразить детали, которые все видят каждый день, но никто не замечает.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-126629-5

© Кирдий В. Э., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Когда деревья были большие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктория Эрнестовна Кирдий Сестра таланта

Предисловие

Иркутск считается культурным городом не из-за иркутских медведей, которые уступают в трамвае места старушкам.

А потому что в Иркутске родилась Вика Кирдий, человек-мультипликация, гений психологизма пузатой каракули, основатель детского импрессионизма. Свой первый карандаш Вика отобрала у доктора в родильном доме. Съесть грифель ей тогда не дали. Родители девочки считали, что живописью нельзя кормиться.

Воспитатели детского сада помнят Вику как «девочку, которую не следует ставить в угол, иначе она изрисует обои». И до сих пор в Иркутске можно найти книги, раскладушки, автобусные сиденья, парты и билеты на паром, размалеванные рукой будущего мастера. Однажды, обнаружив, что собрание сочинений Льва Толстого давно и богато иллюстрировано родной дочерью, мама Вики сказала твердо: «Езжай в Москву и всю ее закаляй». Шучу. Мама отправила Вику поступать на модельера. Так Вика стала художником. Если вы не видите тут логики, значит, все правильно, вы по-прежнему читаете биографию Виктории Кирдий. Хорошие, нелогичные художники очень нужны были на студии «Пилот», где персонажей принято рисовать с самих себя. Еще Вика преподавала в Вальдорфской школе. Там она была единственной училкой с татуированной ногой.

Понимаете, у нее водилась подруга. Подруге хотелось татуировку, необычную. А придумать красивую подруга не могла. Она была простой девушкой, никогда не ела докторских карандашей и не рисовала на трамваях. Вика нашла ей наскального оленя, прекрасного. Они договорились встретиться в тату-салоне. Вика пришла, а подруга – нет. И вот, чтобы не обижать татуировщика неявкой посетителя, Вика мужественно предложила раскрасить свою женственную ногу. То есть понимаете, она за рисование как таковое, везде, всегда и на всем. За врожденную ненависть к нераскрашенным пространствам Вику приняли в Союз художников РФ и Международную федерацию художников. Членом, что характерно. В Москве прошло несколько ее выставок. И вышло уже много книг с рисунками. Прямо как у какой-нибудь Микеланджело.

Слава Сэ

Когда деревья были большие

Самое первое мое воспоминание – ясли. Точнее, запах каши и карболки под лестницей. Мокрые колготки и изжеванный воротник на рубашке. Когда я вижу маленького ребенка в яслях, на меня вновь наваливается тоска оставленности в казенном заведении.

Сестра увидела в школьной столовой, что все кастрюли подписаны. Восхитилась. Мы еще долго отскребали масляную краску с того, до чего дотянулись ее руки. Потом она выросла и стала архитектором.

Моими друзьями были ножницы. Я вырезала цветы из штор и маминых платяев, фотокарточки из документов, картинки из энциклопедий. Потом я тоже выросла и полюбила острые ножи.

В детстве меня часто ставили в угол. Я быстро смекнула, что стоять скучно, и заранее запасалась грифелями из карандашей. В квартире не осталось ни одного чистого угла, во всех словно густо насидели мухи. Своему сыну я сразу выдавала в угол карандаши. Он стал программистом.

В детском саду в тихий час нас укладывали спать на раскладушки. И однажды я обнаружила, что все двадцать раскладушек изрисованы мной. Я до сих пор люблю карандаши и краски, как праздник, который всегда со мной.

Мама стала приносить для меня лоскуты тканей из ателье и подарила коробку из-под телевизора. Это был самый богатый картонный дом в моей жизни, полный трофейных шифонов, шелков, жоржетов, всего воздушного и невесомого. Теперь я одним прикосновением могу определить, есть ли в ткани синтетика.

Натрогала.

Недалеко от нашего дома была трамвайная остановка, и там же стояла маленькая будка для смотрительницы путей. А рядом – деревянный короб, куда заглядывала смотрительница, она что-то оттуда зачерпывала ковшом и уходила. Мне казалось, что там драгоценности, которые она где-то перепрятывает. Уговорила малолетнего брата на грабеж. И вот мы сидим у открытого ящика, наполненного песком.

В нашем детстве существовал старьевщик. Он выменивал ветошь на дешевые пустяки и игрушки. Так мы обзавелись резиновой лягушкой с помпой и ежиком со свистулькой. Однажды старший брат в наказание заколотил наши сокровища в ящик комода. Теснимые скорбью, мы год вынимали из него огромные гвозди. Вынули. После месяц ходили королями с резиновой свитой. Жизнь игрушек недолгая. Но, наверное, где-то есть игрушечный рай, в котором живут мишки с оторванными лапами, безглазые зайцы, машинки без колес, утерянные пуговицы и детали конструктора. Может, там живут наши ежик и лягушка.

Мусорных контейнеров не было. По улицам ездил машина, и мусорщик трезвонил в колокольчик. Как я вождедела иметь такой же!

Забирались по полкам платяного шкафа на самый верх и прыгали на кровать, соорудив из наволочки парашют. Продавили панцирную сетку кровати до самого пола. Когда кровать укрепили досками – наша парашютная карьера закончилась. Как-то мне подарили билет в аэродинамическую трубу. Выяснилось, что я мало чем отличаюсь от той кровати.

Старший брат прикрутил к доске негодные коньки, нам эта доска казалась роскошными ледяными санями. Полярная экспедиция собиралась из соседского мальчика, провиант – из булочки с сахаром и дверного коврика для тепла. Самому выносливому выпадало быть оленем.

Мама водила нас купать в городскую баню с колоннами у парадного входа. Мне так нравилась эта баня: мраморные скамьи, клубы пара, кипяток из крана, шайки, мочалки и кадушки с ледяной водой. И много розовых смеющихся женщин. Мы с братом сидели в тазу с пеной на голове и были абсолютно счастливы. Потом нам давали кружку холодного кваса с листиком от смородины. А после мы бежали к истопнику выпрашивать уголь с отпечатком окаменелости, который он приберегал для нас.

Смастерили подъемный кран из коробки, крючка и катушки ниток, чтоб спускать морскую флотилию из коры и бумаги со второго этажа на первый в весенние сугробы, в надежде, что эти корабли унесет в океан. Летом вся флотилия стояла на рейде в кустах акации.

В Иркутске мы жили в старом двухэтажном доме на два подъезда. Печное отопление, дрова в сарае, ледяная вода из колонки. Пришло время сносить печи, ставить батареи и ванну, но ее нигде было купить. Только на заводе. Мама договорилась с директором, а вот вывезти ванну без нужных бумажек оказалось нельзя. Она наняла мусоровоз, ванну погрузили в него, мама легла в ванну и выехала. А через год брат стал стесняться купаться со мной. Больше не с кем стало выдувать мыльные пузыри из мочалки. Ему было четыре, а мне пять лет.

Однажды мы с братом обзавелись вшами. Радости было полные штаны – сидеть с пакетами на голове, обмазанной керосином.

Собирали с братом бутылки и на вырученные деньги покупали сахарную вату и билеты на речной трамвай. Мы уже давно выросли, но осталась еде уловимая связь между стеклотарой и путешествием.

Как-то у меня случился большой заказ на роспись. Денег хватало на два билета до Иркутска и обратно. Мы с братом поехали взглянуть на наше детство. Меня больше всего удивило не то, что все оказалось крошечным, а то, что на стене дома, под окнами когда-то нашей квартиры, была свежая надпись: «Вика дура». Я так обрадовалась рождению новой девочки Вики.

В нашем дворе росли три старые черемухи. Весной они наполняли воздух сладко-горьким запахом и шмелями. Летом служили нам домом, а осенью щедро нас кормили. Когда мы выросли, эти черемухи оказались маленькими кустами.

Был у меня в детстве дружок Андрюша, к которому меня приставили делать уроки. Так я из хорошистки стала троечницей. Ну не до уроков же, когда улица полна пушистых гусениц, голубых стрекоз и дятлов в березовой роще, розовых червей в жирной земле, личинок, пустых гнезд и тайных нор. А в классе постарше отличник Павленко, сидя со мной за одной партой, так же тихо скатился до географических карт, книг с приключениями, поисков кладов и пробы всего на вкус. Как мы не отравились, не знаю. Но я помню вкус всего этого несъедобного. Как и белого искристого мрамора с железнодорожной насыпи, так похожего на сахар. Я набирала полные карманы в надежде, что один из камней все-таки окажется лакомым.

Резиновая пробка от духов превращалась в жевачку, соломинки веника, завернутого в газету, – в сигару, оттаявший воробей в варежке – и вот ты спаситель в синих штанах с начесом поверх красных трусов, рыбки, пойманные на банку с дыркой в крышке, – океан в руках. Мне кажется, что я не особо выросла, я все так же восхищена миром.

Зимой, детьми, мы с братом наливали воду в валенки, ждали, когда они заледенеют, и катались в них в парадном на цементном полированном полу. Это то немногое, что я хотела сказать о фигурном катании.

В ту же зиму, в тех же валенках я вступила в идеально круглую лужу, подернутую льдом. И с головой ушла под воду в люк. Мамина радость. Мама молниеносно вытащила меня за шарф. Фигурное катание на этом и закончилось. Но после мне так понравилось малиновое варенье, тело, растертое спиртом, и сухая горчица в шерстяных носках.

Мама выписывала очень много журналов. Для нас, маленьких, – «Веселые картинки» и «Мурзилку». А когда мы с братом подросли, то начинали драться еще у почтового ящика – кто первым будет читать «Науку и жизнь» или «Технику молодежи».

Брат моей бабушки служил директором книжного магазина. Меня вылавливали с улицы, отмывали, одевали в нарядное, повязывали банты и вели к нему в гости. Дед сидел за дубовым столом в окружении книжных шкафов. Читать я тогда не умела. Но запомнила первую книгу, которую он дал мне в руки, – «Приключения Буратино». Она меня так восхитила, что спустя полвека я ее проиллюстрировала. Причем с тем же восторгом. Полгода не отрываясь от бумаги и красок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.